

Гнев, боль и нежность Макаенка

Пьесы белорусского драматурга
на сцене театра имени Янки Купалы

Театр Макаенка... Имя недавно ушедшего от нас белорусского драматурга широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Нередко рядом со словами «Андрей Макаенок» привычно ставятся определения «комедиограф», «автор сатирических произведений». Все это так, и пьесы белорусского драматурга, которые шли на томской сцене, в полной мере подтверждают это. Встреча с автором в его родном театре — Белорусском государственном академическом, носящем имя основоположника национальной литературы, не только показала нам Макаенку глубже и шире обычного. Эта встреча заставила говорить и думать о нем, как о прямом наследнике Я. Купалы и К. Крапивы, как о создателе национального характера — на новом материале и в новых исторических условиях.

Он оказался очень разным, этот знакомый драматург, прочитанный любящими глазами земляков. В его пьесах, в том числе и чисто комедийных, — впрочем, бывает ли вообще «чистая» комедия? — мы увидели и глубокий психологизм, и звенящую силу эмоций, и щемлящую нежность к тем героям, которых он любит и в которых по-настоящему верит.

Три макаенковских спектакля — это три ипостаси драматурга, за каждым новым словом — и раздумья, и боль, и усмешка, когда ироническая, а когда — веселая. «Трибунал». Жанр этой пьесы автор определил как трагикомедию, поставив в скобки слово «любко». Но, право же, не так уж много любочного в драматической истории рядового крестьянина Колобка («не состоявшегося, не избравшегося...»), который ради на-

родного дела согласился стать «немецким холоум» — старостой... До сих пор кровоточат раны, оставленные на сердце Белоруссии фашистской оккупацией, подвиг огненной Хатыни стал символом народного подвига. О трагедии и высоком гражданском подвиге народа и ведет речь театр в «Трибунале». Он сознательно (постановщик — заслуженный деятель искусств БССР В. Раевский, художник — заслуженный деятель искусств БССР А. Григорьянц, композитор — заслуженный деятель искусств БССР С. Кортез) усиливает трагическую линию пьесы. И появляются символические фигуры плакальщиц в белом, и раздвигаются до «крупного плана» рамки тесной избы Колобка. И звучит в финале колокол, оплакивая, как колокол Хатыни, великую трагедию и славу подвига народа.

Это нарастающее ощущение народной беды пронизывает весь образ Колобка, который мастерски лепит народный артист БССР Г. Овсянников. Чем-то смешной, лубочно-дурашливый в деталях, Терешко Овсянникова все время помнит «о времени и о себе» — о той нелегкой миссии, которую на себя принял. И замирают в дурашливом плясе ноги мужика, и тяжкая дума ложится на его чело. На минуту... Но зритель, наблюдая его дурашливый кураж, уже не забудет этих кратких мгновений. И тогда все начинает работать на главную идею спектакля — сначала ворчливые, а потом гневные реплики жены Колобка Полины (заслуженная артистка БССР М. Зинкевич), горестное недоумение Володьки (артист А. Владо-

мирский) и разрывающиеся между горем и нежностью сердца дочерей... Подлинной виртуозности достигает игра Г. Овсянникова в эпизоде «угощения» немецкого комманданта. Якобы пьяная речь Колобка, упивающегося своей деревенской «власью», оборачивается почти открытым текстом, которым Терешко выкладывает фашистскому офицеру все, что он думает. Это блестящий актерский дуэт, где подозрительный каратель (заслуженный артист БССР П. Дубашинский) все-таки не может рассмотреть в «диком свинья» грозного и опасного противника...

Мы далеки от намерений сравнивать фашистского оккупанта и прихвостня Сырадзева (артист Е. Никитин) с «героическими бюрократами» из «Погорельцев». Но за сарказмом, которым пропитаны многие сцены этого спектакля, за ироническими интонациями автора ощущается гнев — гнев честного советского человека против тех и того, что так долго нам мешало, тормозило движение вперед. И кульминацией пьесы является, пожалуй, не первое действие, где дорвавшийся до неожиданной власти «глава города» Федор Павлович Ухватов (народный артист СССР В. Тарасов), ликуя, сколачивает клику единомышленников, сбжавшихся, чтобы вместе с ним «володеть и княжить», а второй акт. Здесь постаревший, ушедший на пенсию Ухватов в полной мере выпьет горькую чашу унижения, когда его бывшие подчиненные, виртуозно «перепускают» бывшего начальника, голая по пустяковому вопросу из кабинета в кабинет... Мастерство драматурга и мас-

терство театра (постановщик спектакля В. Раевский) проявились здесь в том, что каждый из этой галереи чиновников (Бусько — народный артист БССР Г. Овсянников, Клепки — народный артист БССР Г. Гарбук, Кудасов — народный артист БССР П. Кормунин) имеет свое лицо, свой внутренний облик, а не абстрактную маску. И от этого эти люди становятся еще омерзительнее.

Свою любовь в «Погорельцах» драматург отдает Наталье Николаевне (народная артистка БССР М. Захаревич), человеку, много пережившему, но сохранившему и ясность взгляда на мир, и широту души. От Натальи Николаевны тянется зримая ниточка к героине третьей пьесы Макаенка, которую нам показали минчане, — ткачихе, депутату Верховного Совета страны Тамаре Павловне из «Верочки» (ее играет тоже М. Захаревич). Только атмосфера этой пьесы и спектакля купаловцев совершенно другая. Это третья ипостась Макаенка — здесь он добрый, даже немного сентиментальный (это декларируется и в программке как жанр: «сентиментальная история в двух частях»). Его сердечной улыбкой озарен образ главной героини. Это — не Верочка, хотя ее именем названа пьеса, а старая крестьянка Арина Родионовна. Героиня Макаенка похоронила трех сыновей. Двое не вернулись с войны, третий, израненный, недолго пожил... Трагическая жизнь... Но почему героиня народной артистки БССР С. Станюты не потеряла ясность взгляда на жизнь и здоровый народный оптимизм? Нет, не

только потому, что есть у нее внучка Верочка (артистка Е. Сидорова), которую она безумно любит. Но и потому, что сохранила Арина Родионовна чистоту и свежесть чувств. Не это ли символизируют деревенские подсолнухи, цветущие на ее городском балконе? (Художник — В. Лесков).

Нет, Арина Родионовна Станюты вовсе не простовата. Она, конечно, побаивается милиционера — все-таки представитель власти. Но твердо и решительно говорит о своей правоте заместителю председателя исполкома Прокусову (народный артист БССР Г. Гарбук). Сознание своего достоинства, вера в справедливость, заложенное в крови неумение сидеть сложа руки (прихрамывая, после инфаркта, Арина — С. Станюта беспрерывно хлопочет по дому) — все это, кроме всепоглощающей доброты (а ведь доброта — не в театральных репликах, ее надо сыграть!) — все это есть в этом мудром человеке.

Три спектакля, три жанра, три разных Макаенка... Но есть в этих работах купаловцев общая, цементующая целостное впечатление черта. Это гражданская позиция драматурга и театра. Позиция ясная, боевая, не признающая компромиссов. Именно такая позиция нужна сейчас театру. И, продолжая утверждать на своих подмостках тему высокого гражданского звучания, наши гости, с которыми томики сегодня прощаются, без сомнения, добьются новых высот в своем ярком национальном искусстве.

В. БЕРЕЖКОВ.